ГЕОИСТОРИЯ КАК ПАРАДИГМА ОСМЫСЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЕВГЕНИЙ СУЛИМА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

МАКСИМИЛИАН ШЕПЕЛЕВ

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Резюме

В статье раскрывается сущность геоисторической парадигмы исследования истории международных отношений сквозь призму контроля над пространством: возникновения и совершенствования его способов и средств или, иными словами, в контексте процессов захвата, раздела и освоения земли. В рамках геоистории развитие человеческой цивилизации предстаёт как история конкретных пространственных порядков, номосов, смена которых происходит через геополитические революции. Геоисторическая парадигма базируется на признании первичности пространства для судьбы государства как территориального политического общества, отличного от предшествовавших ему кровнородственных объединений, а значит – и для научного исследования международных отношений как отношений прежде всего межгосударственных. На этом основана специфическая «геометодология», основополагающий тезис которой состоит в том, что пространство предопределяет главные проявления человеческой деятельности, а изменения и развитие характера этой деятельности обусловлены совершенствованием способов освоения и контроля пространства.

Основоположником геоистории является Хэлфорд Маккиндер, в докладе которого «Географическая ось истории» (1904) была сформулирована первая глобальная, универсальная геоисторическая концепция, описывающая логику мирового исторического процесса на основе геометодологии. Важнейшим её элементом стало выделение трёх геоисторических эпох в развитии человечества – доколумбовой, колумбовой и постколумбовой. Следом за ним, в середине XX века, классик германской геополитики Карл Шмитт конкретизировал смысл и направленность геоистории, убедительно показав, что история человеческой цивилизации начинается с захвата и раздела земли и представляет собой историю конкретных пространственных порядков, номосов, ибо всегда люди захватывали, делили и обрабатывали землю.

В развитие этих положений в статье показано, что в рамках геоистории сменяют друг друга различные господствующие способы освоения и контроля пространства. Важнейшими «точками бифуркации» мирового цивилизационного процесса являются геополитические революции, обусловленные противоречиями между способами захвата и раздела земли и проявляющиеся в переходе от одного пространственного политического порядка к другому. Описываются основные геоисторические этапы закономерности истории международных отношений, на основе которых делается вывод, что в настоящее время мир стоит на пороге фундаментальных трансформаций миропорядка, которые связаны с открытием и освоением космоса и, вероятнее всего, будут сопоставимы с революционными трансформациями XVI–XVII веков, вызванными открытием и освоением Мирового океана.

Ключевые слова:

геоистория; геометодология; пространство; номос; контроль над пространством; геоисторическая эпоха; геополитическая революция.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23 января 2018 г.

Дата принятия к публикации: 15 июня 2018 г.

Для связи с авторами / Corresponding authors:

Email: krikun_86@inbox.ru

Пространство является той отправной точкой, с которой начинается научное познание государства. Это касается исследования и внутренней, и внешней политики правительства, и сферы международных отношений как отношений прежде всего межгосударственных. Первичность пространства для судьбы государства — как территориального политического общества, отличного от предшествовавших ему кровнородственных объединений, — изначально продиктовала необходимость формирования умений и навыков оперировать в нём, что было осознано задолго до появления канонических трудов таких древневосточных авторов, как Сунь-цзы и Каутилья. Отсюда — необходимость осмысливать, формулировать и проводить в жизнь политические, экономические и другие интересы и цели, так или иначе связанные с позиционированием субъекта в пространстве, с контролем над ним, освоением и преобразованием этой среды существования.

Ею, в частности, обусловлена потребность в формировании целостного знания о многогранной сфере международной жизни, постигаемой с позиций специфической геометодологии [Сулима 2017]. В её основе лежит территориальный императив, согласно которому пространство предопределяет главные проявления человеческой деятельности. Эволюция характера этой деятельности обусловлена совершенствованием способов освоения и контроля пространства. Применение этого методологического подхода способствовало возникновению в XX в. таких направлений познания, как геофилософия, геоэкономика, геокультура, геюриспруденция, но исторически им предшествовало и их обусловило становление геополитики.

Применение геометодологии к осмыслению логики исторических процессов неизменно сопровождало развитию системы геонаук, однако сам термин «геоистория» не встал в один ряд с вышеназванными научными направлениями, а её демаркация от геополитики так и не произошла. Вполне правомерно считать датой рождения этой дисциплины 25 января 1904 года, когда

классик англосаксонской геополитики Х. Маккиндер выступил с докладом «Географическая ось истории», в котором изложил первую глобальную геоисторическую концепцию, рассматривавшую планету как единое целое с «историей людей, неотъемлемой от жизни мирового организма» [Маккиндер 1995]. Этим он показал, что история не может существовать вне географии, поскольку человеческие амбиции подвержены влиянию последней и используют её. При этом история постоянно меняет географию благодаря преобразующему влиянию человеческой мысли и деятельности.

Важнейшим положением концепции Х. Маккиндера стало выделение трёх геоисторических эпох в развитии человечества — доколумбовой, колумбовой и постколумбовой. Последняя, по его мнению, начинается на рубеже XIX–XX веков, с завершением пространственного освоения Земли человеком, когда неоткрытых территорий на ней уже не осталось. Фактически это означало начало качественно нового этапа глобализации, который в 1915 г. В.И. Ленин определил как «империализм», характеризующийся, в частности, завершением территориального раздела мира между ведущими державами и началом борьбы за его передел.

Следом за ними классик германской геополитики Карл Шмитт конкретизировал смысл и направленность геоистории, убедительно показав, что история человеческой цивилизации начинается с захвата земли: «В начале истории каждого ставшего оседлым народа, каждого общественно-го устройства и каждой империи находится протекающий в той или иной форме конститутивный процесс захвата земель» [Шмитт 2008: 17]. Из него как следствие вытекает делёж и распределение захваченного. Следом за ними идут процессы укоренения на определённой почве: начинается строительство городов и возведение укреплений, организуется хозяйство, устанавливаются правовые нормы публичного и частного взаимодействия людей, создаются властные и другие социальные структуры, а между поселениями налаживаются коммуникации. Города создают союзы, и

вокруг них образуются государства, эти государства предоставляют подданство или убежище, ведут торговлю и дипломатические переговоры либо развязывают войны, в ходе которых захватывают и возвращают пленных, а по их окончании заключают перемирие или мир. Всё это сопровождается борьбой за передел территории.

Вместе с тем захват земли в первую очередь создаёт верховную собственность некоего сообщества, устанавливая внутри него посредством первоначального деления и распределения почвы первый порядок всех отношений владения и собственности. При этом данное сообщество противостоит другим аналогичным объединениям, преследующим схожие цели. Ведь оно либо изымает какую-то часть из пространства, которое до сих пор считалось свободным, то есть не имело никакого признанного господства, либо же часть территории отбирается у какого-либо прежнего признанного владельца и передаётся новому. В любом случае основополагающий процесс захвата земли предшествует появлению права, а значит, и разделению на публичную власть (господство) и частную собственность, то есть образованию государства. Верховный контроль над территорией делает возможной государственную власть как таковую и установление ею на этой земле какого-либо порядка.

В сущности, геометодология заключается в рассмотрении истории как возникновения и изменения конкретных пространственных порядков, обусловленных специфическими условиями человеческого существования и производными от них способами освоения и контроля пространства. Её применение позволяет выявить наиболее фундаментальные закономерности мирового исторического процесса, проистекающие из непосредственной связи между развитием человеческой цивилизации и её пространственной средой.

1

Представление о том, что история человеческой цивилизации начинается с захвата и раздела земли, относится к самым

базовым, разделяемым поколениями мыслителей задолго до Карла Шмитта, ещё со времён Солона. Вместе с тем именно К. Шмитт сформировал концептуальное обоснование того, что история человечества определяется эволюцией конкретных пространственных порядков, номосов, ибо всегда люди захватывали, делили и обрабатывали территорию. В рамках геоистории сменяют друг друга различные способы захвата и раздела земли — подобно тому, как, например, марксизм видит в истории смену общественных формаций на основе изменений господствующих производительных сил, а либеральная политэкономия (схожим образом) — смену технологических эпох (доиндустриальная, индустриальная, постиндустриальная или информационная).

Объяснительная способность этих других подходов для понимания логики политической истории, и прежде всего развития международных отношений, не является универсальной: она ограничена тем фактом, что государство как главный цивилизационный феномен есть в первую очередь территориальное политическое сообщество. В этой связи в отношениях между государствами и во внутренней логике их становления на первом плане всегда будут стоять пространственные интересы. В их конкуренции преимуществами обладают те государства, которые владеют более совершенными средствами и методами контроля над пространством, и в этой связи геополитика зависит от экономики и научно-технического прогресса, но её цели и логика самостоятельны и не подчинены техноэкономическим задачам. Как раз в противоположность акцентированию последних геометодология основана на том, что география оказывает прямое, а не опосредованное иными факторами влияние на политические процессы, и, напротив, *развитие технологий влияет на политическую сферу лишь постольку, поскольку они изменяют физическую (природную) среду, то есть через географию.*

Важнейшими «точками бифуркации» мирового цивилизационного процесса вы-

ступают геополитические революции, обусловленные противоречиями между способами захвата и раздела земли и проявляющиеся в переходе от одного пространственного политического порядка к другому. Понятие «геополитическая революция» использовали (вкладывая в него различные смыслы) И. Валлерстайн, А. Тойнби и другие крупнейшие мыслители XX столетия, но в мировой политической науке оно пока не вошло в широкое употребление. Между тем рассмотрение логики мирового цивилизационного процесса именно в этом контексте позволяет, как представляется, лучше осмыслить его нынешнюю стадию и перспективы развития. И понятие «геополитическая революция» может рассматриваться в качестве одной из центральных категорий геоистории, являющейся «концептуальной основой для понимания пространственно обусловленной логики мирового развития» [Сулима 2017: 164].

В истории человеческой цивилизации сменялись различные способы установления и поддержания контроля над пространством. Исторически первый был связан с созданием и сосуществованием отдельных городов, между которыми разворачивалась борьба за гегемонию, которая не вела, однако, к их поглощению и объединению. Затем последовала сухопутная экспансия, приведшая к появлению обширных империй и борьбе между ними. Позднее логика сухопутной экспансии была распространена на внутренние («средиземные») моря, а с началом Нового времени последовал обратный процесс «захвата земли с моря» (Нового Света и других заморских территорий). Нынешняя, космическая эпоха связана с возникновением новых возможностей установления контроля над пространством — посредством господства в космосе.

С появлением каждого нового способа доминирования прежние не исчезали, но со временем утрачивали преобладающее значение (их роль можно сравнить с ролью старого экономического уклада в новой формации в рамках марксистской логики). Период господства некоторого способа

установления и поддержания контроля над пространством составляет геополитическую эпоху. Их смена принимает форму геополитических революций, выступающих способом разрешения противоречий между политическими силами, приверженными старым и новым практикам доминирования.

Первая геополитическая революция связана с именем Саргона Древнего (2316–2261 до нашей эры), царя Шумера и Аккада, первого объединителя большей части «плодородного полумесяца» (пространства, в котором, по основной версии историков, зародилась человеческая цивилизация) от Персидского залива до Средиземного моря (см., например: [Мак-Нил 2004]). Она представляла собой переход от изначально политического порядка отдельных городов-государств к новой форме территориальной империи. Будучи осуществлённой на тогдашней границе между государственно организованным и варварским мирами, она, как и последующие, способствовала распространению цивилизации. Саргон начинал как правитель периферийного для шумерской цивилизации Аккада — так же как, например, вокруг периферийного царства Цинь произошло объединение Китая, а периферийный в античном мире Рим стал центром объединительных процессов в Средиземноморье. С их экспансией на новые земли расширялось и пространство соответствующей цивилизации.

В дальнейшем масштабы сухопутных территориальных империй лишь увеличивались, одни из них сменялись другими или сосуществовали друг с другом, но сам способ захвата и раздела земли не менялся — до тех пор, пока во второй половине XII в. до н.э. финикийцы не сформировали альтернативную модель расширения контроля над территорией в формате заморских колоний, получившую развитие у греков. Вместе с тем колониальная экспансия этих двух народов, вызванная ростом населения, борьбой за ресурсы и территориальным соперничеством, носила спорадический характер: в ней не было последовательно реализуемой целостной

стратегии, направленной на тотальный захват моря. До Пунических войн это, видимо, было не под силу ни одной морской державе, хотя попытки взять под контроль отдельные части Средиземноморья предпринимались.

Лишь римляне, одержав победу над Карфагеном и подчинив Грецию, смогли осуществить Вторую геополитическую революцию, заключающуюся в превращении контроля морских коммуникаций в инструмент интеграции пространства и формирования нового геополитического порядка, то есть в превращении Средиземного моря в ядро единого цивилизационного пространства — *Pax Romana*. Этому способствовали их прежде периферийное положение в античном мире, не концентрировавшее на них внимание основных игроков, а также более выгодная для контроля Средиземноморья позиция и ошибки карфагенской стратегии.

В конечном счёте речь шла о захвате моря посредством его окружения и формирования «кольцеобразной» системы, как её называл В.П. Семёнов-Тян-Шанский [Семёнов-Тян-Шанский 1996: 593–616]. То, что имел место именно «захват моря с суши», ясно из характера войн Античности и Средневековья, которые предполагали перенос принципов сухопутных битв на морские сражения: два или более корабля сходились друг с другом, а находившиеся на них солдаты вступали в обычный бой. В этом смысле средиземноморская эпоха *Pax Romana* отличалась от последующей океанической эпохи Нового времени, в рамках которой поведение государств и их вооружённых сил на море существенно отличалось от поведения на суше.

Со II в. до нашей эры, с завершением Пунических и Македонских войн, Рим стал рассматривать средиземноморское пространство как *mare nostrum*, не считая его воды неограниченно открытыми для чужеземцев и захватывая суда, принадлежащие подданным государствам, не имевших договоров о дружбе и союзе с империей. Этим объясняется величайшая морская экспансия в истории античного мира между 67 г. до н. э.

и 85 г. нашей эры, начало которой положил Помпей, получивший задание очистить Средиземное море от пиратов и обеспечить полное господство в нём, тем самым сделав возможной торговлю между разными частями тогдашней ойкумены. Собственно, в этом и заключалось основное содержание Второй геополитической революции, охватившей обширный период от Мария и Суллы до Помпея, Цезаря и Августа.

Применяя геоисторический подход, становится понятной условность 476 г. как временного рубежа между Античностью и Средневековьем, и, напротив, раскрывается значимость «средиземноморской эры», охватывающей II в. до н.э. — XV в. н.э. в их единстве и взаимосвязанности. Кстати, весьма важно акцентировать в этой связи внимание на том факте, что до 812 г. в юридическом смысле существовала одна Римская империя, ставшая христианской с IV века (то есть до этого времени вообще ни в каком смысле нельзя говорить о Византии). В дальнейшем до 1453 г. в христианском мире сосуществовали две законные империи с сакральными центрами в Риме и Константинополе. Весь этот период — история борьбы за контроль над «Большим Средиземноморьем», продолжавшейся до открытия Нового Света и начала новой геоисторической эпохи.

Третья геополитическая революция была связана с событиями, которые произошли в конце XV — середине XVII в. под влиянием и в ходе Великих географических открытий и могут быть определены как коренная трансформация мировой системы, вызванная переходом части человечества к «морскому существованию» и глобализацией противоречия между силами, контролирующими сушу и море [Шмитт 2008]. Не вдаваясь в анализ целого комплекса её причин и предпосылок, которым посвящён огромный массив научной литературы [Валлерстайн 2015; Мак-Нил 2004], стоит упомянуть о роли Османской империи, появление которой закрыло европейцам традиционные пути на Восток, что стимулировало поиск новых маршрутов «в Индию». В результате произошедших трансформаций

Западная Европа превратилась в центр новой, теперь уже мировой системы.

Исходя из теории К. Шмитта, в классический период своей истории современная мировая система («мир-система модерна»), основанная на разделении Номоса Земли и Номоса Моря, представляла собой взаимодействие трёх сегментов: европейской системы политического равновесия (в центре), пространства свободной конкуренции в борьбе за захват земли (на периферии) и Мирового океана как пространства «свободного моря». Это сосуществование трёх пространственных порядков позволяло обеспечить ограничение, упорядочение и гуманизацию войны в Европе (и шире — на Западе) как центре современной мировой системы за счёт вынесения её на периферию. В основе ограничения войны в Европе лежало признание военного противника в качестве законного врага (*Justus hostis*) в отличие от повстанца, преступника и пирата, что снимало морально-теологическую проблему вины и ответственности, создававшую в прошлом основания для «справедливых» войн на уничтожение [Шмитт 2008].

Вместе с тем в океанических пространствах неограниченная конкуренция открывала путь к установлению гегемонии одной державы. Англичане, став с середины XVI в. «морскими партизанами», воспользовались свободой, вытекавшей из грандиозного захвата земли, а затем — новой свободой мореплавания, чтобы осуществить великие имперские захваты. В сущности, британское господство основывалось на том, что тот, кому принадлежало море, владел также и землёй. Так что, по выражению О. Шпенглера, «границами Англии в самом деле были побережья всех крупных морей» [Шпенглер 2009: 38]. При этом в сознании англичан стирались чёткие границы между государством и индивидом, общественной и частной жизнью, а также между войной и миром и между войной и пиратством.

2

Классическая модель, основанная на жёстком разделении двух пространствен-

ных порядков, к началу XX в. была разрушена и сменилась универсалистской системой, в которой Номос Моря распространился на континентальное пространство. Эта экспансия сопровождалась замедленной ограниченной войной, характерной для классического европейского равновесия, тотальной войной. В возникшей новой реальности заключена изнанка глобализации, и заслуга К. Шмитта состоит в том, что он ещё в середине XX в. предвидел сегодняшнюю реальность глобального противостояния с его технологиями «управляемого хаоса».

Весьма показательна в этой связи следующая мысль К. Шмитта, будто высказанная не в 1950-м, а явно после 2001 года: «Дискриминация врага, превращающая его в преступника, и одновременная апелляция к *justa causa* идут рука об руку с повышением эффективности средств уничтожения и делокализацией театра военных действий. Повышение эффективности технических средств уничтожения разверзает пропасть столь же уничтожающей по отношению к противнику правовой и моральной дискриминации. (...). Наблюдаемое нами сегодня превращение войны в своего рода полицейскую акцию, направленную против нарушителей общественного спокойствия, преступников и вредителей, ко всему прочему должно способствовать и оправданию методов этого “police bombing”. В результате происходит бесконечная дискриминация противника» [Шмитт 2008: 474–475].

Стигматизация в современной мировой политике дополняется действиями, прямо подрывающими государственный суверенитет и монополию правительства на насилие. В первую очередь этому способствовало признание противников официальных властей во внутренних гражданских конфликтах. Разумеется, такого рода практика время от времени имела место и раньше, но ныне превратилась в систематически используемый инструмент борьбы с неудобными режимами и осуществления *глобальной демократической революции*. Обращая внимание на эту проблему ещё до

её появления в нынешнем виде, К. Шмитт отмечал: «Признание повстанцев воюющей стороной означает для них чрезвычайно важное и принципиальное повышение их статуса, тогда как для законного правительства оно означает деградацию и мощное постороннее вмешательство в область его компетенции. Это вмешательство состоит именно в кажущемся нейтралитете» [Шмитт 2008: 432]. На самом деле оно вовсе не является выражением полного нейтралитета, а содержит в себе оценку внутриполитического процесса и потому означает интервенцию.

В результате этой легитимизации восстание, вооружённый мятеж и государственная измена, подлежащие с точки зрения официальных властей уголовной ответственности, превращаются для признающего повстанцев иностранного правительства в законную войну (*justum bellum*) и используются для осуществления желаемых им территориальных и политических изменений. Примечательно, что во время американской гражданской войны само правительство США, ныне регулярно прибегающее к признанию мятежников, категорически выступало против такого рода действий по отношению к собственным повстанцам — конфедератам Юга, которых тогда поддерживали Британия и Франция.

Не менее опасна тотальная война и тем, что она предполагает участие в вооружённом конфликте не только военных, но и мирного населения, тем самым означая радикальный разрыв с прежней тенденцией гуманизации войны [Хрусталёв 2003: 62–64]. Состояние «военного мира», то есть состояние, не являющееся ни вооружённым конфликтом, ни миром в традиционном смысле, не только разрушительно действует на государственность и на базовые социальные структуры, но и создаёт ситуацию перманентного стресса для индивидов, которые превращаются в заложников политических противоречий.

Единственным способом предотвратить эту перспективу в глобальном масштабе был бы переход к системе, состоящей из

ограниченных, признающих друг друга крупных регионов (на основе доктрины Монро в её классическом понимании [Шмитт 2008: 494–509] или исходя из идеи С. Хантингтона об ответственности «стержневых государств» соответствующих цивилизаций за их безопасность и стабильное развитие [Хантингтон 1995: 133–136]). Вместо этого произошло превращение ограниченных европейских столкновений в глобальную гражданскую войну, оправдывающую всеобщий интервенционизм.

Концептуальная несопоставимость области международного права (земли) и состояния анархии (моря) стала основанием для пессимистических взглядов К. Шмитта, который считал, что англосаксонская тотальная война сначала с помощью английских пиратов, затем — в результате американского вмешательства в европейские дела, начавшегося после Первой мировой войны, возобладали над старой законопослушной континентальной Европой (с её «справедливыми войнами»). В современном мире, по его мнению, уничтожено прежнее равновесие, основанное на разделении земли и моря. Развитие современной техники лишает последнее его характера стихии, к нему добавилось новое, третье измерение — воздушное пространство как силовое поле человеческой власти и деятельности. В условиях, когда мир переживает конец прежнего соотношения земли и моря, образуется новый номос нашей планеты. А это означает, что современный мир стоит на пороге фундаментальных трансформаций миропорядка, которые, вероятнее всего, будут сопоставимы с революционными изменениями XVI–XVII вв.

Симптоматично, что ещё накануне начала новой геоисторической эпохи К. Шмитт предвидел тенденции развития. В середине XX столетия он писал: «Многие уже сегодня верят, что вся Земля, наша планета, является сегодня только лишь аэродромом и посадочной площадкой: месторождением сырья и авианосцем для космических полётов. Это, правда, выглядит пока ещё фантастично, но это показывает, с какой

силой сегодня встаёт вопрос о новом Номосе Земли» [Шмитт 2004].

То, что выглядело фантастическим в середине 1950-х годов, стало реальностью уже к концу века. В книге, опубликованной в конце 1990-х, Джоан Джонсон-Фриз и Роджер Хендберг представили космос как многообещающее пространство новых возможностей экономического и военного доминирования в условиях завершённости основных геополитических переделов нашей планеты [Johnson-Freese 1997]. Думается, что именно Четвертая геополитическая революция может стать инструментом нового разделения пространственных порядков, когда за счёт вынесения противоречий вовне, в сферу космической экспансии, можно будет добиться ограничения вооружённого соперничества на Земле — так же как оно было достигнуто благодаря вынесению противоречий между европейскими державами в сферу колонизации остального мира.

Актуальность и значимость концептуального развития и практического применения геоисторического подхода к изучению эволюции международных отношений обусловлены прежде всего тем, что пространство как реальность существует независимо от воли человека (если, конечно, не вставать на позиции солипсизма), способствуя формированию его характера. Вместе с тем возникающие потребности (в пище, жилье, общении, верованиях) заставляют индивидов придумывать, осваивать, создавать, разрушать своё пространство. Таким образом, человек, его взгляды, поступки и труд непрерывно меняют пространство его обитания. Отношения между индивидом и территорией вызывают к жизни ключевые процессы, составляющие стержень исторического развития.

Политические, экономические и иные решения, принимаемые в человеческом обществе (а на стадии цивилизации оно возможно и мыслимо лишь как государственно организованное), оказываются проявлениями его зависимости от дей-

ствия законов пространства и территориальных интересов государств и народов, обусловленных ими. После «закрытия ойкумены» в XX в. значение территориального императива, несмотря на некоторые утверждения, не только не уменьшилось, но и увеличилось. Это связано с ростом пространственной взаимозависимости, подрывом традиционных представлений о территориальном суверенитете государств, возникновением новых измерений проблемы пространственного размежевания. Ни индустриальная, ни информационно-телекоммуникационная революции не уменьшили значимости контроля над пространством для судеб государств и для отношений между ними, но, напротив, способствуя сжатию ойкумены, привели к возрастанию его ценности. Ситуация в современном мире подобна коммунальной квартире, в которой значимость контролируемой территории ощущается куда острее, чем в отдельном поместье. В сущности, *мировая история есть не что иное, как нарастание дефицита пространства по мере роста населения и исчерпания традиционных для соответствующей стадии развития ресурсов, а также осуществление экспансии с целью компенсации этого дефицита.*

Геоистория — это дисциплина, изучающая историю борьбы за захват и раздел Земли, историю пространственной экспансии человечества, которая начинается с появления первых изолированных общин и городов-государств и движется в направлении глобализации, понимаемой в данном измерении именно как формирование пространственной мироцелостности. Она предполагает взгляд на историю международных отношений сквозь призму контроля над пространством: возникновения и совершенствования его способов и средств. Такой подход позволяет предложить существенно иной взгляд на логику всемирно-исторического процесса.

В нём, например, новый подход, основанный на выделении геополитических эпох, определяемых господством определенного способа захвата и раздела земли, с акцентом на «скачкообразный», револю-

ционный характер перехода от одной эпохи к другой, оспаривает традиционное деление на историю Древнего мира, Средних веков, Нового и Новейшего времени.

Что же касается геоисторического взгляда на современность, то он особенно важен тем, что даёт ключ к пониманию нынешнего состояния мира как начала эпохи грандиозных трансформаций, аналогичных эпохе Великих географических открытий и, шире, третьей геополитической революции, связанной с экспансией человека в космическое пространство и переносом в эту среду логики борьбы за пространство [Шепелев 2017]. Подобно эпохе покорения Мирового океана, она открывает новые возможности и создаёт риски. В морально-патриотическом смысле важно акцентировать, что начало новой эпохи связано с именем Юрия Гагарина – в прямом смысле русского Колумба.

В отличие от распространённых попыток проводить параллели между нынешними процессами и началом XX в. мало кто из современных исследователей обращает внимание на сходство с концом XV–XVI веком, основанное на параллели между освоением Мирового океана и космоса (в аспекте соизмеримости их исторической роли и влияния на развитие человеческой цивилизации). Первая космическая гонка между СССР и США была лишь разминкой по сравнению с той борьбой за господство в новой среде, которая начинается сейчас. Ей суждено, видимо, кардинально изменить мир, подобно тому как его изменили западные колонизаторы в предшествующие пять с половиной столетий. В этом смысле мы стоим лишь в начале пути к миру подлинного постмодерна, так что может пройти ещё длительное время, прежде чем станут очевидными его основные характеристики.

Список литературы

- Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 541 с.
- Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. 1064 с.
- Маккиндер Х. Географическая ось истории // Полис. 1995. №4. С. 162–169.
- Плешаков К.В. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. 1994. №10. С. 30–39.
- Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии // Рождение нации. (Серия альманахов «Арабески истории». Вып. 7) / Сост. А.И. Куркчи. М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 593–616.
- Сулима Е.Н., Шепелев М.А. Геонаучная парадигма подготовки магистров международных отношений // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1. №1 (35). С. 160–171.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и что это может означать для России // Общественные науки и современность. 1995. №3. С. 133–136.
- Хрусталёв М. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен // Международные процессы. 2003. Т. 1 №2(2). С. 55–67.
- Шепелев М.А. Астрополитика и новая геополитическая революция // Интеллектуальная эстафета 2017. Политология: ежегодник. Вып. 3. Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017. С. 170–179.
- Шепелев М.А. Четвёртая геополитическая революция: контроль Космоса как ключ к мировому господству // Современная наука и инновации. 2017. №4 (20). С. 375–384.
- Шмитт К. Новый номос Земли. 2004. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1044.htm>
- Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
- Шпенглер О. Политические произведения. М.: «Канон + РООИ «Реабилитация», 2009. 528 с.
- Johnson-Freese J., Handberg R. Space, the Dormant Frontier: Changing the Paradigm for the 21st Century. Westport, Conn.: Praeger Publishers, 1997. 288 p.
- Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Random House, 1987. 677 p.

GEOHISTORICAL APPROACH TO THE EVOLUTION OF INTERNATIONAL RELATIONS

YEVGENIY SULIMA

Lomonosov's Moscow State University, Moscow 119991, Russia

MAXIMILIAN SHEPELEV

South-Western State University, Kursk 305040, Russia

Abstract

The article proposes a new, geohistorical research paradigm to the evolution of international relations which focuses on the methods of territorial control: the emergence and improvement of its ways and means, or in other words, in the context of capture division and development of land. In the framework of geohistory the development of human civilization is presented as the story of a particular spatial orders, nomoses, which change through geopolitical revolutions. The geohistorical approach is based on the recognition of the primacy of space for the destiny of the state as a territorial political society that is different from the blood communities that preceded it, and therefore for the academic study of international relations as primarily interstate relations. This is the basis for a specific 'geomethodology', the underlying thesis of which is that space predetermines the main manifestations of human activity, and the changes and development of the nature of this activity are due to the improvement of ways of mastering and controlling space. In the development of the provisions of such classical authors as Halford Mackinder and Karl Schmitt, the article shows that within the framework of geo-history, different dominant methods of controlling space replace each other. The most important points of bifurcation of the world civilizational process are the geopolitical revolutions caused by the contradictions between the ways of seizing and dividing the land and manifested in the transition from one spatial political order to another. The basic geohistorical stages of the regularity of the history of international relations are described, on the basis of which it is concluded that at present the world is on the verge of fundamental transformations of the world order that are connected with the discovery and development of the Cosmos and, most likely, will be comparable with the revolutionary transformations of the 16th-17th centuries, caused by the reclamation of the World Ocean.

Keywords:

Geohistory; geomethodology; space; nomos; space control; geohistorical epoch; geopolitical revolution.

References

- Huntington S. (1995). Stolknoveniye tsivilizatsiy i chto eto mozhet oznachat' dlya Rossii [Class of Civilizations and What Could It Mean for Russia]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 3. P. 133–136.
- Johnson-Freese J., Handberg R. (1997). *Space, the Dormant Frontier: Changing the Paradigm for the 21st Century*. Westport, Conn.: Praeger Publishers. 288 p.
- Kennedy P. (1987). *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. N.Y.: Random House. 677 p.
- Khrustalev M. (2003). Diversionno-terroristicheskaya vojna kak voyenno-politicheskiy fenomen [Diversionary and Terrorist War as Military and Political Phenomenon] // *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 1. No. 2(2). P. 55–67.
- Mak-Kinder H. (1995). Geograficheskaya os' istorii [Geographical Axis of History] // *Polis*. No. 4. P. 162–169.
- McNeal W. (2004). *Voskhozhdeniye Zapada. Istoriya chelovecheskogo soobshchestva* [Rise of the West. The History of the Human Community]. Kiev: Nika-Tsentr; Moscow: Starklayt. 1064 s.
- Pleshakov K.V. (1994). Geopolitika v svete glavnoy peremen [Geopolitics in the Light of the Major Change] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 10. P. 30–39.

- Schmitt K. (2004). *Novyy nomos Zemli* [New Nomos of Earth]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1044.htm>
- Schmitt K. (2008). *Homoc Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [Nomos of Earth and the Law of Nations: Jus Publicum Europaeum]. SPb.: Vladimir Dal'. 670 p.
- Schpengler O. (2009). *Politicheskiye proizvedeniya* [Political Essays]. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya. 528 p.
- Semenov-Tyan-Shanskiy V.P. (1996). O mogushchestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii: ocherk po politicheskoy geografii [About Mighty Territorial Possession Concerning Russia: Essay in Political Geography]. In Kurkchi A.I. (ed.) *Rozhdeniye natsii*. (Seriya al'manakhov "Arabeski istorii". Vyp. 7). Moscow: DI-DIK. P. 593–616.
- Shepelev M.A. (2017). Astropolitika i novaya geopoliticheskaya revolyutsiya [Astropolitics and New Geopolitical Revolution]. *Intellektual'naya estafeta Politologiya: yezhegodnik*. Vyp. 3. Taganrog: Izd-vo YuFU, P. 170–179.
- Shepelev M.A. (2017). Chetvertaya geopoliticheskaya revolyutsiya: kontrol' Kosmosa kak klyuch k mirovomu gospodstvu [Fourth Geopolitical Revolution: Control of Space as a Key for Global Domination] // *Sovremennaya nauka i innovatsii*. No. 4 (20). P. 375–384.
- Sulima E.N., Shepelev M.A. (2017). Geonauchnaya paradigma podgotovki magistrrov mezhdunarodnykh otnoshenij [Geoscientific Paradigm of the Preparation of Master's in International Relations] // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. Vol. 1. No. 1 (35). P. 160–171.
- Wallerstain I. 2015. *Mir-sistema Moderna. Tom I. Kapitalisticheskoye sel'skoye khozyaystvo i istoki yevropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [World-System of Modern. Volume I. Capitalist Agriculture and the Roots of European World-Economy in the 16th Century]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. 541 p.